

Литературные очерки

с. 2.

тутъ строгая безукоризненность обязательнаго либерализма и обличительное направление 98 пробы сообщали иногда фельетонамъ что то забавно-школьное. Но они все таки читались, и часто не безъ удовольствія. Теперь, вѣроятно, познавъ суету былого либеральничанья съ гимназическимъ отъѣздомъ, г. Станюковичъ, надѣвъ маску, сталъ изображать, въ небольшихъ очеркахъ, жизнь и типы, хорошо извѣстные ему, но мало знакомые публикѣ,—а именно—жизнь на кораблѣ и типы моряковъ. Вышло гораздо лучше, чѣмъ прежде. Морскіе рассказы г. Станюковича являлись у насъ въ литературѣ чѣмъ то новымъ и оригинальнымъ. Въ нихъ, действительно, вѣетъ морской воздухъ, слышится запахъ моря. Лица, изображаемыя г. Станюковичемъ, все носятъ на себѣ явный отпечатокъ общества моряковъ, отпечатокъ столь симпатичный, вырабатываемый долгимъ отчужденіемъ отъ людей, постояннымъ пребываніемъ въ одной дружеской семьѣ, члены которой вѣсть раздѣляютъ все безчисленные труды и опасности дальняго плаванія. Рассказы г. Станюковича, не смотря на ихъ краткость, были замѣчены не мной однимъ. А теперь, когда обнаружилось имя автора, они пріобрѣтаютъ еще большую цѣнность въ глазахъ критика. Для него очевидно, что г. Станюковичъ перешелъ съ ложнаго пути на настоящій, и такъ какъ беллетристическій талантъ у него бесспорно есть,—хотя и не первоклассный, а писательской опытности въ свое долговременное оигурированіе редакторомъ, романистомъ и фельетонистомъ, онъ, конечно, сумѣлъ пріобрѣ-

сти вполне достаточно, то мы имѣемъ полное основаніе надѣяться, что когда г. Станюковичъ опять расширитъ рамки своихъ произведеній,—въ духѣ настоящихъ,—разумѣется,—то наша литература пріобрѣтетъ въ немъ интереснаго, хорошаго романиста. А это куда какъ кстати, особенно теперь, при страшномъ ихъ недочетѣ! Если бы у меня спросили, для чего пишу свои коротенькіе рассказы г. Лихачева,—то я рѣшительно затруднился бы отвѣтить опредѣленно. Тутъ возможны только предположенія. Сколько помнится, г. Лихачевъ писалъ небольшіе стихи, драматическія произведенія и переводы. Теперь очень трудно припомнить, что именно онъ писалъ, кромѣ развѣ его большого труда: перевода Тартюфа. Надъ посредственностями г. Лихачевъ не выдавался. Помнится, однако, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда какого-то Лихачева о самоубійствахъ обратила на себя общее вниманіе. Тотъ ли это самый Лихачевъ, который переводилъ Мольера и издавалъ томикъ мелкихъ рассказовъ или нѣтъ,—я рѣшительно сказать не могу. Склоненъ, все-таки, думать, что тотъ, но единственно потому, что въ настоящихъ рассказахъ Лихачева самоубійства встрѣчаются чересчуръ часто. Знаю самъ, что это основаніе недостаточно, но другого у меня нѣтъ. Если мое предположеніе вѣрно,—то г. Лихачевъ оказывается челоѣкомъ съ очень разнообразными литературными способностями. Но, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ ему писать мелкіе рассказы, не имѣющіе почти никакого литературнаго значенія. Очевидно только потому, что на нихъ есть

спросъ, вслѣдствіе того, что большин-
ство читающей публики настолько ум-
ственно огульно, что дозволяется
и мелочамъ, за отсутствіемъ крупныхъ
вещей. Если-бы даже это было такъ,—
то все-таки изданіе подобныхъ мелочей
отдѣльной книжкой представляется со-
вершенно излишнимъ. Если-бы у г. Диха-
чева,—какъ у г. Станюковича, его то-
микъ обозначалъ переходъ съ вѣтрной
дороги на вѣрный путь, то этому, ко-
нечно, можно было бы порадоваться. Но
у г. Дихачева этотъ томикъ служитъ
только свидѣтельствомъ о бѣдности его
беллетристическаго таланта и въ то-же
время крайней неразборчивости читаю-
щей публики. Въ этомъ нѣтъ, разумеет-
ся, ничего утѣшительнаго. Вотъ о г.
Гвѣздѣ можно сказать, что онъ идетъ
вполнѣ вѣрнымъ путемъ. Крупнаго бел-
летристическаго таланта нѣтъ у него;
но у него есть прекрасныя задатки. Въ
первыхъ, онъ хорошо знаетъ и помни-
маетъ искусство и, кажется, художникъ
въ душѣ. Этого уже много, хотя еще
далеко не все. Во вторыхъ, онъ уже до-
вольно давно началъ писать свои не-
большіе рассказы, сначала въ иллю-
стрированныхъ извѣстіяхъ, а потомъ въ
одной изъ нашихъ мѣстныхъ газетъ.
Особыхъ литературныхъ достоинствъ
эти рассказы еще не имѣли, но въ
нихъ уже была видна твердая рука, ко-
торой не доставало только выработ-
ки. Въ послѣдней книжкѣ «Рус. Вѣстн.»
г. Гвѣздѣ окончилъ свой, кажется, пер-
вый большой романъ изъ двухъ частяхъ,
подъ заглавіемъ: «Свободныя художе-
ства». Конечно, это романъ не перво-
классный, но онъ обладаетъ серьезными

достоинствами. Я поговорю о немъ впо-
слѣдствіи, въ связи съ мелкими расска-
зами г. Гвѣзды. Это дастъ мнѣ возмож-
ность поговорить объ очень интерес-
номъ вопросѣ,—какъ естественнѣе всего
долженъ идти впередъ современный, не
гениальный (такимъ законы не писаны),
а средній талантъ. Слѣдовательно,
на разобравшихъ выше трехъ примѣ-
рахъ современныхъ писателей мелкихъ
рассказовъ, читатели могли видѣть три
различныя причины ихъ происхожденія.
Однако, всѣ эти три причины предпола-
гаютъ одну общую: развившійся въ по-
слѣднее время вкусъ публики къ слиш-
комъ легкому чтенію. Если у трехъ
разобравшихъ писателей нельзя объяс-
нить появленіе ихъ сборниковъ только
этой причиной, то у всѣхъ остальныхъ,
за исключеніемъ одного Чехова, появ-
леніе сборниковъ объясняется именно
главнымъ образомъ этою одною. Я не хочу
этимъ сказать, чтобы ни въ одномъ изъ
маленькихъ рассказовъ молодыхъ писа-
телей не было ровно ничего хорошаго.
Нѣтъ! Въ некоторыхъ встрѣчаются до-
стоинства; но они такъ микроскопичны,
такъ мало замѣтны, что перерывать це-
лые сборники для отысканія этихъ кру-
пицъ было бы скучно для читателей, и
для меня, а главное—совершенно беспо-
лезно. Мои указанія, по необходимости,
были бы такъ кратки и отрывочны, что
не оставили бы ни въ комъ сколько-ни-
будь прочнаго впечатлѣнія. Другое дѣло—
г. Чеховъ. О немъ, во первыхъ, въ по-
слѣднее время много говорятъ. Я на-
примѣръ, указывалъ въ одномъ изъ не-
давнихъ ослѣтеновъ на критическую
статью о немъ извѣстнаго поэта г. Ме-

режовскаго. Кроме того, г. Чеховъ несомненно талантливей своихъ товарищей по сборникамъ. Мнѣ кажется особенно интереснымъ поговорить о немъ въ сравненіи съ г. Гайдебомъ и я постараюсь сдѣлать это въ ближайшемъ будущемъ.

III.

Лучше теперь поговорить о крупныхъ беллетристическихъ произведеніяхъ, напечатанныхъ въ послѣднихъ книжкахъ толстыхъ журналовъ. Выберемъ изъ нихъ три, и потому что только три есть. Это: «Молодежь», г. К. Орловскаго («Р. В.»), «Мараши», г-жи Ольги Шапиръ («В. Е.»), и «Тамара Бевдавидъ», В. Крестовскаго («Р. В.»). Всѣ эти романы читаются болѣе или менѣе хорошо, такъ какъ авторы ихъ — люди, умѣющіе писать по-русски и набившіе руку въ романописаніи. Прежде всего я долженъ просить извиненія у г-жи Ольги Шапиръ: ей нима стоитъ въ этой троицѣ только потому, что въ послѣднихъ книжкахъ нашихъ журналовъ — всего три большихъ неоконченныхъ романа, и одинъ изъ нихъ принадлежитъ ей. За то съ нею же я начну свой отчетъ.

Талантъ г-жи Ольги Шапиръ, въ настоящей стадіи его о развитіи, выяснился вполне, для меня по крайней мѣрѣ. Это — въ высшей степени умная, симпатичная и талантливая писательница, напоминающая многими чертами давно переставшую писать С. Смирнову. Мнѣ даже приходитъ иногда на мысль, не тождественны ли обѣ эти личности? Но теперь о г-жѣ Шапиръ. Въ ея послѣднемъ романѣ, прекрасно написанномъ, видны слѣдующія неоспори-

мыя черты большаго беллетристическаго таланта. Идея — несоотвѣстствіе думъ и происходящая изъ этого драма. Обстановка — вѣрная и прекрасно нарисованная, даже достаточно глубоко. Разумѣется, г-жа Шапиръ, на основаніи своего скромнаго мнѣнія, которое, можетъ быть, и не дойдетъ до нея, не сочтетъ себя гениальной писательницей. Наконецъ, третья прекрасное качество произведеній г-жи Шапиръ заключается въ естественной способности ея характеризовать лицъ своего романа нѣсколькими чертами. Конечно, изъ этого не можетъ выйти типовъ, но выходить личности, которыхъ вы ясно отличаете другъ отъ друга и, до известной степени, помните. Рисовка г-жи Шапиръ напоминаетъ мнѣ рисунки Флаксмана къ произведеніямъ Гомера, Гете и Данте. Ихъ фигуры даютъ общее впечатлѣніе, но не даютъ ярко нарисованнаго типа.

У г-жи Шапиръ въ послѣднемъ романѣ изображено нѣсколько личностей, которыхъ вы узнаете изъ тысячи. Онѣ не очень долго останутся въ вашей памяти но, пока останутся, вы ихъ не смѣшаете съ другими. Интрига романа заключается въ любви Строева и Анны, конечные результаты которой до сихъ поръ еще и предвидѣть не возможно. Да это и не важно. Характеры и положенія ихъ уже вполне выяснились. Строевъ — почти гениальный человекъ, раздавленный страшнымъ позоромъ и преступленіемъ, въ которомъ онъ не виноватъ. Отсюда понятна та глубокая горестъ и горечь, та гробовая мизантропія, которыми онъ насильно проникнуть и которыя такъ хорошо изобра-

жены авторомъ. Анна—страстный художникъ, полураздавленный пошлостью окружающей жизни и тнущій свои молодые дни, какъ придется, отъ нечего дѣлать. Но она все-же молодая дѣвушка, у ней все-же есть еще страстная любовь къ близкому, жажда самопожертвованія... Она идетъ на встречу могильному настроенію Строева и, презирая всѣ общественныя условія, сама предлагаетъ ему свою руку. Его это можетъ спасти, потому что онъ ее любитъ страстно. А она—въ послѣднюю минуту смутно подозреваетъ!, {что она его не любитъ, а что это была только жертва, во имя принципа и неопредѣленнаго чувства любви къ чело-вѣчеству.

На этомъ пока кончается романъ г-жи Шапиръ. Мнѣ казалось, что и написаннаго мною совершенно достаточно, чтобы оцѣнить его недюжинныя достоинства.

Послѣ этого даже какъ то совѣстно сколько нибудь подробно разбирать романы гг. Орловскаго и Крестовскаго. Оба они пишутъ складно и, пожалуй, занимательно, но ни у кого изъ нихъ нѣтъ ни одного изъ серьезныхъ достоинствъ г-жи Ольги Шапиръ. У нихъ нѣтъ ни характеровъ, ни вѣрнаго изображенія обстановки. Еще одно слово: чтобы изображать «Молодежь» или «Евреевъ», въ настоящее время, надо прежде всего имѣть совершенно чистыя руки. А у нихъ...

С. СЫЧЕВСКИЙ.
